

БИБЛЕЙСКОЕ УЧЕНИЕ ОБЪ ИПОСТАСНОМЪ СЛОВѢ БОЖІЕМЪ.

Всѣ христіане знаютъ, что подъ Словомъ въ первой главѣ четвертаго Евангелія разумѣется Сынъ Божій, Второе Лицо Пресвятой Троицы, но немногіе изъ нихъ могутъ возстановить связь этого наименованія съ ветхозавѣтными прообразами и пророчествами, съ коими связаны всѣ вообще эпитеты, уподобленія и образы Апостола Іоанна, какъ въ Евангеліи, такъ и въ Посланіяхъ его, такъ и въ Откровеніи. Эта связь остается неизвѣстною не только для обычныхъ читателей св. Библии, но и для большинства ученыхъ толкователей, какъ нѣмецкихъ, такъ и русскихъ, обыкновенно заимствующихъ у нихъ, а между тѣмъ только чрезъ возстановленіе упомянутой связи возможно уяснить истинный смыслъ евангельскаго понятія о Словѣ, и о такомъ возстановленіи ея мы и постараемся въ этой статейкѣ.

Протестантскіе богословы, а за ними и русскіе, изучая Библию отдѣльными отрывками, настолько потеряли возможность возстановлять ея внутреннее единство, что гораздо охотнѣе отыскиваютъ послѣднее между св. Евангеліемъ и языческою философіей, въ данномъ случаѣ — Платоновой. Попытки связать пасхальное зачало Евангелія съ ученіемъ этого философа о Логосѣ или Разумѣ, или даже вывести первое изъ послѣдняго, создали за границей уже цѣлую, довольно нелѣпую литературу, которая нашла свое отраженіе въ докторской диссертациі кн. Трубецкого: „Ученіе о Логосѣ“, гдѣ авторъ, или — точнѣе — переведенные имъ съ нѣмецкаго авторы, стараются установить такую точку зрѣнія, будто ученіе Платона о Логосѣ отразилось весьма сильно на іудейской апокрифической литературѣ, а эта послѣд-

няя—на Евангелии; зависимость же этой литературы и Иоаннова Пролога отъ псалмопѣвцевъ и Соломона, жившихъ задолго до Платона, г. Трубецкой вовсе не отмѣчаетъ, или, точнѣе выражаясь, не знаетъ о ней.

Въ 1902 году въ „Миссіонерскомъ Обзорѣни“ появилась критическая статья Старобѣльскаго, который между прочимъ доказывалъ, что въ іудейской литературѣ, какъ библейской, такъ и апокрифической, подъ словомъ — *Метра* никогда не разумѣлось Платоновское понятіе, обозначающее Разумъ, ибо іудейскій терминъ обозначаетъ только слово, глаголь и ничего болѣе, разумъ же или познаніе опредѣляется словомъ *яди*: точно такъ же и евангельскій Логосъ обозначаетъ вопреки многимъ богословамъ только слово, глаголь, а вовсе не разумъ. На эту статью появилась замѣтка въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за подписью Г., въ которой авторъ поправилъ Старобѣльскаго: „*Метра*“ встрѣчается въ апокрифической литературѣ, а въ древне-библейской *доборъ* ¹⁾ обозначаетъ слово, а знаніе, разумъ обозначается совершенно другимъ терминомъ. За всѣмъ тѣмъ осталась непоколебимою та мысль, что 1) іудеямъ Ветхаго Завѣта было чуждо понятіе или терминъ, совмѣщающіе въ себѣ слово и разумъ, какъ греческій терминъ Логосъ; 2) Платонъ подъ своимъ метафизическимъ Логосомъ разумѣлъ Разумъ, а св. Іоаннъ говорилъ о Логосѣ въ такомъ сочетаніи выраженій, которыя связываютъ его съ иными ветхозавѣтными и апокрифическими изреченіями, гдѣ говорится о *доборѣ*, *метра*, т. е. вовсе не о Разумѣ, а о Словѣ, о Глаголѣ, и потому ни о какой связи четвертаго Евангелія съ Платонизмомъ не можетъ быть и рѣчи.—Какія-же это изреченія Ветхаго Завѣта имѣлъ въ виду св. Іоаннъ Богословъ, когда предложилъ читателямъ ученіе о воплотившемся Сынѣ Божіемъ, какъ о Словѣ? Или поставимъ вопросъ иначе: какія свойства приписываются Слову въ этихъ ветхозавѣтныхъ изреченіяхъ, съ которыми связано евангельское предисловіе св. Іоанна?

Если по примѣру большинства школьныхъ богослововъ искать въ нихъ указаній чисто догматическихъ или метафизическихъ, то рѣчь наша будетъ мало убѣдительна, какъ

¹⁾ Этимъ же терминомъ выражается Іоанновъ Логосъ въ переводѣ Новаго Завѣта на древне-еврейскій языкъ.

для рационалистовъ, такъ и для вѣрующихъ іудеевъ, потому что,—скажутъ тѣ и другіе,—вы понимаете въ прямомъ смыслѣ тѣ образныя, олицетворенныя выраженія, изъ которыхъ такимъ способомъ можно вывести все, что угодно. Укажите намъ ближайшій смыслъ этихъ образовъ, тотъ, который, вытекаетъ изъ контекста рѣчи, который былъ понятенъ читателю до исполненія новозавѣтныхъ событій, и вотъ этотъ-то смыслъ изреченія или термина соотнесите съ его новозавѣтнымъ истолкованіемъ: тогда только ваша рѣчь будетъ для насъ убѣдительною.

Итакъ, постараемся уразумѣть ветхозавѣтное понятіе о Словѣ въ предѣлахъ подзаконной жизни. Жизнь эта представлялась народу Божію, какъ продолженіе наказанія Господня, какъ изгнанничество изъ возделѣннаго рая при неизбѣжной обязанности въ потѣ лица трудиться надъ землею, проклятою за грѣхъ Адама, терпѣть болѣзни и умирать. Только одинъ день седмицы долженъ оставаться нѣкимъ, хотя бы и слабымъ, подобіемъ райской жизни, начавшейся съ того дня, когда Богъ почилъ отъ дѣлъ творенія и созерцалъ непорочный міръ во всей его богозданной красотѣ. Въ субботу и люди, знающіе Бога, освобождались отъ труда, молились и радовались на жизнь, данную Богомъ, прекрасную по Его предначертанію, но столь тяжкую по причинѣ грѣхопаденія и послѣдовавшихъ за нимъ нуждъ и болѣзней.

Впрочемъ, еще болѣе тяжела была жизнь для народа Божія потому, что въ ней не было правды отъ самихъ людей. Праведники терпѣли отъ грѣшниковъ, рабствовали имъ и не имѣли ни утѣшенія, ни объясненія своимъ страданіямъ. Господь многократно обѣщалъ въ Своихъ заповѣдяхъ и откровеніяхъ награду праведнымъ и кару грѣшнымъ, но иное показывала жизнь. О семъ недоумѣвали праведный Іовъ, Давидъ псалмопѣвецъ, Соломонъ—Экклезіастъ, Іеремія, Ездра и вообще всѣ мыслители и учителя Ветхаго Завѣта. Эта мысль о несоотвѣтственной земной участи людей ихъ правственному состоянію есть главная и существеннѣйшая во всѣхъ священныхъ книгахъ до Христа, и на разрѣшеніи этой-то мысли основывались всѣ пророчества о Немъ, всѣ прообразы Искупителя—Страдальца, хотя богословская наука мало вникала въ эту истину.

Но мы не будемъ теперь подробно раскрывать ее, а только

скажемъ, что тѣ дѣйствія Божественнаго Промысла, при которыхъ обычная неправда жизни устранялась, праведники или кающіеся возносились, а грѣшники посрамлялись, назывались именно *Словомъ Божиимъ*. Почему словомъ? потому, что въ такихъ дѣйствіяхъ Своихъ Господь какъ бы отвѣчаетъ вопрошающему Его человѣчеству: „и возгрянь съ небесе Господь и Вышній даде гласъ Свой“. Богъ, скрывшій лицо Свое и удалившійся со Своею правдою на небо отъ грѣшной земли, иногда, хотя и не часто, въ чудотворныхъ дѣйствіяхъ Своего промысла, когда „воплъ угнетенныхъ доходитъ до неба“, открываетъ Свою правду на землѣ такъ, какъ сокровенная жизнь человѣческаго духа открывается въ *словѣ*. Вотъ почему эти дѣйствія Божественной правды называются въ Библии *Словомъ Божиимъ*.

Такое наименованіе прилагается въ Псалмахъ и въ прочихъ Учительныхъ книгахъ къ слѣдующимъ дѣламъ Промысла: къ спасенію Іосифа изъ темницы, къ казнямъ Египетскимъ и изведенію народа Божія чрезъ Черное море и пустыню въ обѣтованную землю, къ спасенію кающихся чрезъ мѣднаго змѣя и, наконецъ, ко всему управленію Божію стихіями міра.

Не всегда отверженный за грѣхи родъ человѣческій является какъ бы забытымъ отъ Бога; не всегда торжествуютъ грѣшники и попираются праведники. Приходитъ время и среди грѣшной и несправедливой жизни открывается Слово Божіе и водворяетъ правду. Замѣчательно, что различныя священныя книги Ветхаго и даже Новаго Завѣта прилагаютъ это явленіе Слова Божія къ однимъ и тѣмъ же событіямъ Священной Исторіи.

Такъ псалмы 104 и 106 говорятъ о событіяхъ въ Египтѣ и объ изведеніи оттуда народа Божія. Іосифъ былъ предтечею народа и прообразомъ его участи, сперва рабскою и страдальческою, а впослѣдствіи славной и благодѣтельной для всего міра.

„*Посла предъ нами чловѣка, въ раба продавъ бысть Іосифъ; смириша во оковахъ нозѣ его, желѣзо пройде душу его; дондеже прииде Слово Его, Слово Господне разже его*“ (пс. 104, 17—19) и донинѣ говорится о его словѣ. Не только чистыхъ праведниковъ, но и кающихся спасаетъ Слово Божіе, какъ и Іосифа, чудеснымъ образомъ, когда уже никакая земная

сила не могла помочь имъ. Когда ропотники въ пустынь, уязвляемые страшными змѣями, принесли покаяніе, „и воззвѣщаю ко Господу, ввсегда скорбѣти имъ и отъ нужды ихъ спасе я: послѣ Слово Свое и исцѣли я, и избави я отъ растлѣній (гробовъ) ихъ“ (пс. 106, 19. 20). Здѣсь Словомъ Божіимъ называется чудесное устроеніе мѣднаго змія, который до такой степени слился въ умъ израильтянъ съ Виновникомъ исцѣленій, что многіе почитали его за бога, пока праведный Езекиа не счелъ нужнымъ его истребить. Посему и Премудрый предостерегаетъ читателя отъ подобнаго смѣшенія, подтверждая при семъ псаломскую мысль о томъ, что въ этомъ событіи открылось Слово Божіе. „Обращавшійся исцѣлялся не тѣмъ, на что взирали, но Тобою, Спасителемъ всѣхъ... Не трава и не пластырь врачевали ихъ, но Твое Господи всеисцѣляющее Слово“ (Прем. 16, 7. 12 ср. Втор. 8, 3).

Во всѣхъ приведенныхъ изреченіяхъ подѣ Словомъ Божіимъ разумѣется нѣчто живое, или, если уступимъ на время іудеямъ, точно олицетворяемое, т. е. не просто глаголъ Божій, а постоянно и одинаково дѣйствующая Божественная промыслительная сила. Только неразуміе человѣческое не усматриваетъ его въ обыкновенномъ ходѣ событій природы и жизни, и обнаруживаетъ его лишь въ дѣйствіяхъ чудесныхъ; на самомъ же дѣлѣ эта сила Божія, все направляющая къ побѣдѣ правды, къ наказанію нечестія и къ прославленію истинъ, изложенныхъ въ законѣ Божіемъ, вложена, какъ въ историческія судьбы народовъ, такъ и въ самую жизнь природы; и тамъ дѣйствуютъ тѣ же законы, которые Господь предписалъ въ Своихъ заповѣдяхъ людямъ, только послѣдніе не могутъ уразумѣть сей мудрости. Такая мысль раскрывается въ псалмѣ 147-мъ. Господь невидимо хранитъ Іерусалимъ, благословляетъ угнетенныхъ врагами сыновъ его и возстановляетъ его домъ изъ развалинъ. Такъ Онъ „посылаетъ Слово Свое на землю, быстро течетъ Слово Его. Даетъ снѣгъ, какъ волну, сыплетъ иней, какъ пепелъ. Бросаетъ градъ Свой кусками: предъ морозомъ Его кто устоитъ? Поиметъ Слово Свое и все растаетъ: подуетъ вѣтромъ (Духомъ) Своимъ, и потекутъ воды. Онъ воздвигнулъ Слово Свое Іакову, уставы Свои и суды Свои Израилю. Не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу и судовъ Его они не знаютъ“ (ст. 4—9).

Итакъ, напрасно малодушные или маловѣрующіе говорятъ: „гдѣ Слово Господне? пусть оно придетъ!“ (Іер. 17, 15) или „я буду счастливъ, не смотря на то, что буду ходить по произволу сердца моего“ (Втор. 29, 19). Слово Божіе, Божественный Промыслъ не чуждъ самымъ повидимому соблазнительныхъ явленій, когда страдаетъ праведникъ и возвышается нечестивый. Все это разъясняетъ книга Іова, псаломъ 21, 36, 72 и др. Господь иногда нарочно попускаетъ нечестивому, чтобы затѣмъ со всею силою посрамить Его и явить Слово Свое. *„Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника и скрежещетъ на него зубами своими: Господь же помянется надъ нимъ, ибо видитъ, что приходитъ день его“* (пс. 36, 12. 13).

Такой день судовъ Божіихъ надъ нечестивцами съ особенною силою описанъ въ книгѣ Премудрости, гдѣ подобное явленіе Слова Божія достигаетъ высшей степени олицетворенія; здѣсь олицетвореніе уже не можетъ быть принято за простую метафору, а усвоиваетъ Слово Божію личную жизнь. Рѣчь идетъ объ избіеніи первенцевъ египетскихъ за упрямое непослушаніе Богу ихъ горделиваго влестителя—Фараона.

„Сошло съ небесъ отъ царственныхъ престоловъ на средину погибельной земли всемогущее Слово Твое, какъ грозный воинъ. Оно несло острый мечъ—неизмѣнное Твое повелѣніе, и ставши наполнило все смертью: Оно касалось неба и ходило по земль“ (Прем. 18, 15. 16). Далѣе Слово спасаетъ народъ по молитвѣ Аарона (ст. 22). Если мы сравнимъ это изреченіе съ нижеслѣдующимъ въ Апокалипсисѣ Святаго Іоанна, то уже совершенно ясно увидимъ, что Апостоль не только по идеѣ, но и по выраженіямъ связываетъ свое ученіе о Словѣ съ ветхозавѣтнымъ. Богословъ видитъ отверстое небо и исходящаго оттуда Всадника, *„Который праведно судитъ и воинствуетъ... Онъ былъ облеченъ въ одежду, обрызганную кровью, Имя Ему: Слово Божіе... Изъ устъ же Его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать народы. Онъ пасетъ ихъ жезломъ желѣзнымъ; Онъ топчетъ точило вина ярости и гнѣва Бога Вседержителя. На одеждѣ и на бедрѣ Его написано имя: Царь царей и Господь господствующихъ“* (19, 11—16).

Насколько ясно, что сей образъ Апокалипсенса, какъ и всѣ прочіе образы Его, взяты изъ Ветхаго Завѣта даже по

своему слововыраженію, настолько же несомнѣнно, что начальныя пять стиховъ Евангелія отъ Іоанна тѣсно примыкаютъ по своему *смыслу* съ псалмомъ 147-мъ. Слово Божіе, та сила, то обнаруженіе Божества, которое открывалось людямъ въ чудесныхъ дѣйствіяхъ правды Божіей и утѣшало праведниковъ въ ихъ недоумѣніяхъ, какъ Іова и Давида-Псалмопѣвца, Оно не было явленіемъ исключительнымъ, только мгновенною свѣтлою молніей на темномъ небосклонѣ. Нѣтъ, миръ всегда управлялся имъ и имъ же сотворенъ. Но это Слово не есть только Божественное дѣйствіе, Божественная сила: Оно было Богъ, но не Богъ-Отецъ, Который дѣйствовалъ Имъ, Оно было къ Богу (не у Бога, а къ Богу— *πρός τόν Θεόν*—слово бываетъ къ кому-либо; здѣсь особенно ясно, какъ нарушаютъ смыслъ Евангелія толкующіе Логосъ, какъ разумъ, а не какъ глаголь); въ Немъ была жизнь и свѣтъ челоуѣкамъ; теперь Оно стало плотью и поселилось между нами, полное благодати и истины. Давидъ училъ, что оно открылось въ заповѣдяхъ и законѣ Моисея (пс. 147), но тогда Оно явилось только отчасти, а у насъ—въ полнотѣ Своей благодати и истины. *„И отъ полноты Его мы все приняли и благодать на благодать. Ибо законъ данъ чрезъ Моисея; благодать же и истина произошли чрезъ Іисуса Христа“* (ст. 16, 17).

Итакъ разрѣшеніе загадки (проблемы) ветхозавѣтныхъ мудрецовъ открыто было не такое, какого они ждали. Давно ожидавшееся Слово Божіе выразилось не въ томъ, что праведники возвысились надъ нечестивцами, не въ томъ, что іудеи воцарились надъ язычниками. Нѣтъ, Слово Божіе открылось, какъ воплотившійся на землѣ Богъ, Сынъ Божій. Дано нѣчто, неизмѣримо большее, чѣмъ ожидали древніе мудрецы и праведники, но съ инымъ воздѣйствіемъ на жизнь іудеевъ и всего челоуѣчества.

Правда не воцарилась внѣшнимъ образомъ на землѣ: миръ, сотворенный Словомъ, не позналъ Его, и свои не приняли Пришедшаго къ тѣмъ. А инымъ, кто приняли Его, Онъ не далъ обладанія, и царства, и земнаго счастья, что было нѣкогда такъ богато возвращено Іову: но отдалъ имъ большее и лучшее, далъ имъ власть быть чадами Божіими и принимать въ сердца свои истину и благодать на благодать. Это иное, внутреннее, духовное царство, которое не отъ

міра сего, но заключается въ исповѣданіи истины, котораго послушаютъ всѣ, кто отъ истины (Іо. 18, 36—38).

Итакъ вотъ какими мыслями увѣнчиваетъ Божественный законъ ветхозавѣтное ученіе о Словѣ Божіемъ: Оно есть живое Божественное Лицо, равное Богу, воплотившееся на землѣ и отвергнутое землею, но дающее Своимъ послѣдователямъ внутреннюю побѣду при вѣшнихъ страданіяхъ. чрезъ внутреннее благодатное общеніе съ Богомъ и пренебреженіе къ земной жизни. Эту мысль о значеніи Христа въ жизни св. Іоаннъ раскрываетъ во всемъ своемъ Евангелии, и въ Посланіи, и въ Апокалипсисѣ. Кто пожелаетъ съ этой точки зрѣнія рассмотреть всѣ пренія іудеевъ противъ Господа, Его прощальную бесѣду съ учениками, далѣе слова Перваго Посланія о внутреннемъ свидѣтельствѣ и помазаніи Духа при ненависти окружающаго міра, наконецъ, слова Господа, явившагося Тайнозрителю среди седми свѣтильниковъ, о Своей борьбѣ противъ міра, а также и дальнѣйшія видѣнія, раскрывающія ту-же мысль: тотъ пойметъ, что ученіе Богослова о Словѣ не имѣетъ ничего общаго ни съ метафизическимъ пантеизмомъ Платона, ни вообще „съ туманною метафизикой“, — какъ выражались о Четвертомъ Евангелии тупоголовые тубингенцы,—но содержитъ въ себѣ раскрытіе и объясненіе той нравственной силы явившагося Господа, которая содѣлала Его послѣдователей побѣдителями міра чрезъ страданіе отъ міра и дала имъ внутреннее счастье еще на землѣ именно въ самомъ пренебреженіи къ счастью, чего не могли разрѣшить мудрецы Ветхаго Завѣта, видѣвшіе страданія праведниковъ и господство грѣшниковъ. Ученики Слова разрѣшили эту загадку и говорили: „насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы; насъ наказываютъ, но мы не умираемъ; насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всемъ обладаемъ“ (2 Кор. 6, 8—10). Вотъ въ какомъ смыслѣ отъ полноты явившагося Слова христіане приняли и благодать на благодать.

Епископъ Антоній.